

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ПОДВОДНАЯ АГЕНТУРА

Морской спецназ

Сергей Зверев

Подводная агентура

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Подводная агентура / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Морской спецназ)

Российской разведчице Луизе удалось выкрасть документы, подтверждающие участие американских спецслужб в операции по дестабилизации исламского мира. Однако доставить компромат в Москву разведчица не смогла: яхта, на которой она перевозила ценный груз, пропала в районе Аденского залива. Руководство российских спецслужб полагает, что судно было захвачено сомалийскими пиратами по указанию агентов ЦРУ. В Сомали срочно вылетает элитный отряд боевых пловцов под командованием Андрея Истомина. Задача бойцов – освободить Луизу и доставить секретные документы в штаб-квартиру Службы внешней разведки...

Содержание

Глава 1	5
Черноморское побережье Кавказа. В 10 км южнее г. Джанхот	5
Новороссийск. Штаб 184-й бригады охраны водного района	7
Новороссийской базы Черноморского флота РФ	
Новороссийск. Два месяца назад	9
Глава 2	16
Аденский залив	16
Москва. Главный штаб ВМФ	21
Египет. Южное побережье Синайского полуострова. Курорт	23
Шарм-эль-Шейх	
Новороссийск. Квартира капитана 1-го ранга в отставке В. И.	25
Истомина	
Глава 3	29
Северное побережье полуострова Сомали. Провинция Санааг. В	29
120 км западнее мыса Сагалла	
Новороссийск. Штаб 184-й бригады охраны водного района	32
Новороссийской базы Черноморского флота РФ	
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Подводная агентура

Глава 1

Черноморское побережье Кавказа. В 10 км южнее г. Джанхот

Голова появилась из воды и тут же исчезла. В прибойной войне, что накатывала на каменистый пустынный берег, ее бы никто не заметил, если бы несколько десятков пар глаз нарочно не всматривались в прибрежные волны. Голова появилась снова, но уже на два десятка метров ближе и чуть в стороне. Стекло водолазной маски, специально тонированное, чтобы не давало солнечных бликов, повернулось вправо, потом влево.

И тут же появились несколько серых, под цвет беспокойной волны, фигур аквалангистов. Они по двое выходили из воды, низко пригибаясь и не отрывая от плеч прикладов короткоствольных автоматов. В шелесте прибрежной гальки, которую шевелили и перекатывали волны, действия боевых пловцов были практически неслышными.

Аквалангисты передвигались то боком, то задом, ни на секунду не выпуская из поля зрения ни одного участка побережья. Когда последние выходили из воды, первые уже сбросили в камнях акваланги и бесплотными тенями взбирались на камни. И тут что-то произошло! Точнее, для стороннего наблюдателя могло показаться, что ничего не произошло, а диверсанты почувствовали опасность и изменение ситуации практически мгновенно.

Взмах руки командира, и двое последних, кто еще стоял по пояс в море и не выпустил загубников дыхательных аппаратов, бесшумно и без всплеска ушли в пучину. Остальная часть группы, состоящая из шести человек, рассредоточилась и заняла круговую оборону. И тут же послышались крики, безмятежную тишину летнего морского побережья вспороли автоматные очереди.

Диверсанты, слившись с камнями, некоторое время оставались неподвижными, ничем не выдавая своего присутствия. И только когда люди в зеленом камуфляже появились над ними на камнях, метнулись темные тени. Удар, холодный блеск стали, и тело в камуфляже упало. Мгновенно шестеро противников были убиты, тихими хлопками заработало оружие подводных диверсантов, с шипением вырвалась и понеслась от скал реактивная граната. Она ударилась в борт бронетранспортера. Взрыв, машина подскочила в дымном всплеске и ощерилась развороченным боком.

Десантники в одно мгновение перескочили через скальный выступ, еще несколько прицельных и экономичных очередей, и береговой патруль был полностью уничтожен. Но вдоль берега уже шли два быстроходных суденышка. С них били пулеметы, борта ошетинились стволами автоматов. Катера развернулись, намереваясь высадить солдат на берег. Пулеметы явились хорошей поддержкой десанту, который должен был отрезать пловцов от спасительной воды, задержать их до подхода подкрепления.

Результат этого хода защитников побережья был бы очевиден, если бы не две тени, появившиеся рядом с каждым катером в тот момент, когда они сбросили ход и плавно пошли к берегу. Две головы, два ствола! Несколько очередей по набитым солдатами катерам, одновременный взмах двух рук, и в катера полетели две гранаты. Солдаты пригнулись, и в этот момент гранаты упали и покатались у них под ногами. Секунда, и...

Хлопки и два столба дыма свидетельствовали, что подкрепление с моря успешно условно уничтожено. Боевые пловцы не понесли потерь. Чисто теоретически, у них в руках оказался исправный грузовик, на котором они могли очень быстро покинуть зону высадки и переместиться к месту предполагаемой диверсии. Но руководители учений, удовлетворенные действиями пловцов, приказали подать сигнал отбоя.

Фигуры в камуфляже поднимались с песка и камней, в катерах откашливались, выбросив дымовые гранаты за борт, и смущенно посматривали на катер командующего учениями. Со скал спускался командир 382-го отдельного батальона морской пехоты. Он на ходу что-то выговаривал своим подчиненным, которые во время этих учений играли роль береговой охраны противника. Командир был явно чем-то недоволен.

Катер командующего остановился возле береговой черты, с него спустили сходни, и по ним на камни сбегали несколько человек в морских форменных рубашках и белых фуражках с высокими тульями. Крупного телосложения капитан первого ранга с довольным видом осмотрел «поле боя».

– Кто командовал группой боевых пловцов? – зычно спросил он.

Один из офицеров, сопровождавших командование, побежал к пловцам, заботливо складывающим свое снаряжение. От спецназовцев отделился человек и быстрым шагом подошел. Снятый с головы капюшон гидрокостюма открывал коротко стриженную лобастую голову, мощную атлетическую шею и мужественное лицо с умными глазами.

– Капитан третьего ранга Истомин, – доложил боевой пловец и вытянулся, выпятив мощную грудную клетку, как того требовал воинский устав.

– Ну что же, – благосклонно кивнул капитан первого ранга, пожимая широченную ладонь боевого пловца, – неплохо. А вы, случаем, не родственник одного из героев обороны Севастополя, контр-адмирала Истомина?

– Так точно, – коротко ответил спецназовец.

– А капитан первого ранга Владимир Иванович Истомин не ваш отец?

– Так точно, – снова скупно отозвался офицер.

Новороссийск. Штаб 184-й бригады охраны водного района Новороссийской базы Черноморского флота РФ

Представитель Главного штаба ВМФ капитан первого ранга Володарский собрал офицеров для подведения итогов учений сразу после обеда. Четко и деловито разбирались действия всех подразделений и служб, которые были задействованы в плановых учениях. Дошла очередь и до подразделения морского спецназа, базировавшегося в Новороссийске.

Моложавый командир подразделения капитан второго ранга Серов был плечист, как и все его подчиненные. Разве что отличался он рано поседевшими висками и пронзительно-голубыми глазами. Он поднялся, подошел к карте, висевшей на стене сбоку от командующего учениями, и стал лаконично докладывать о поставленной задаче и действиях группы его подчиненных.

Володарский слушал, делая какие-то пометки в блокноте. Наконец он спросил:

– Скажите, а как вы характеризуете командира группы капитана третьего ранга Истомина?

– Грамотный, хорошо подготовленный офицер, – рублеными фразами стал отвечать Серов. – Умелый методист, владеет всеми видами штатного вооружения и снаряжения, имеет большой опыт боевых операций.

– А ну-ка, Истомин, – всем корпусом повернулся Володарский в кресле и поискал глазами среди одинаковых черных кителей нужного ему человека.

Плечистая фигура тут же выросла из-за спин старших офицеров. Володарский посмотрел на грудь спецназовца и хмыкнул. Колодок боевых орденов на груди Истомина было едва ли не больше, чем у любого из старших офицеров на этом совещании. Ну, может, у капитана второго ранга Серова их было больше. Остальные блистали большим количеством юбилейных медалей да наград за выслугу лет.

– Ага, вот он, – благосклонно кивнул Володарский и глянул в свои записи в блокноте. – А скажите мне, Андрей Владимирович, почему вы сами кинулись участвовать в этой операции? Кажется, такая задача вам не ставилась?

– Так точно, – без всякого выражения на лице подтвердил Андрей. – Я считаю, что при проведении особо опасных операций и операций большой сложности командир обязан идти с основным составом группы.

– А может, вы просто не доверяете подчиненным?

– Никак нет, – ответил Андрей. – Исключительно для пользы дела.

– Хорошо, а каким образом вы догадались о засаде на берегу? Обороняющаяся сторона себя чем-то выдала?

– Трудно ответить однозначно, – наморщил лоб Истомин. – Отчасти интуиция, но скорее не признак, а совокупность признаков. Запах соляры на берегу, отсутствие машин на пригородном шоссе, которое от уреза воды видно на участке около километра, и тому подобное. Ну и так, по мелочи.

– Интересно, а что же это за мелочи?

– Отсутствие птиц, например. Над уступом начинается зона древесной растительности, и там всегда много птиц. В данном случае их не было. Это могло означать, что в том месте скопление людей, которые их спугнули. Раздавленная медуза в десятке метров от уреза воды. Не совсем высохшая. Таких много на пляжах, где курортники любят из баловства ими кидаться. Тут примерно то же самое, кто-то в кого-то кинул медузой, и совсем недавно. Пустынное побережье, на которое не подъедешь на машине и на которое трудно спуститься сверху. И незачем. И вдруг медуза.

– Позвольте, – усмехнулся капитан первого ранга, – но птиц могли спугнуть туристы, они же могли, будучи экстремалами например, кидаться на берегу медузами...

– Поэтому я и сказал, что не отдельный признак, а совокупность признаков, которые взаимодополняют друг друга и сводят случайность к минимуму.

В целом действия морского спецназа были признаны отличными, как и в основном результаты учений. Следующей фазой должны были стать командно-штабные игры, имеющие целью отработать взаимодействие моряков с сухопутными частями и авиацией округа. И только вечером капитан первого ранга Володарский подозвал к себе командира спецназовцев и снова завел разговор об Истомине.

– Скажите, Серов, а вам не показалось, что этот Истомин-младший норовит все сделать сам, пытается подменить своих бойцов? Я ведь не зря спросил о доверии. Вы не удивляйтесь вопросу и вниманию к вашему офицеру. Просто я одно время служил под началом его отца, Истомина-старшего. До сих пор вспоминаю годы службы с большим, как бы это вам сказать...

– Я понимаю вас, товарищ капитан первого ранга, – кивнул Серов. – Это у него не от недоверия. Андрей Истомин в прошлом году участвовал в одной сложной операции за пределами нашей страны. Действовал он, по оценке командования, отлично. Только во время той операции он потерял товарища, друга детства, с которым они вместе учились в школе, вместе оканчивали военное училище и здесь служили вместе.

– Думаете, у него сложился комплекс, боязнь...

– Я бы не стал совмещать два таких несовместимых понятия, как Андрей Истомин и боязнь, – усмехнулся Серов. – Я совершенно уверен, что у молодого офицера просто появилось понимание, особая потребность беречь своих людей во время операции, постараться избежать даже случайных жертв. Раньше он был совсем другим, более легкомысленным, были в нем эдакие ухарские черты. Но он заметно вырос за это время, заматерел, если хотите. То, что вы в нем отметили, не упущение, а чисто командирское, то, что пришло с опытом. И с опытом войны, и с опытом потерь. Чисто тактически можно придаться к тому, что он пошел сегодня впереди, вместо того чтобы следить за всем полем боя. Но о боязни говорить не стоит. Знаете, что у нас произошло в феврале этого года?

Новороссийск. Два месяца назад

Как обычно в феврале, погода в Новороссийске была неустойчивой. Только-только в середине месяца оттрещали десятиградусные морозы, только прошла оттепель, и снова температура упала ниже нуля. Дожди, гололедицы – все это раздражало, а еще больше раздражали порывистые зимние ветра. А потом к двадцать третьему февраля вдруг потеплело, на небе показалось солнце.

Андрей проснулся в квартире около семи утра и долго лежал, заложив руки за голову и глядя в потолок. Праздничный день не радовал. Во-первых, отец вот уже который месяц чувствовал себя плохо, что не позволяло создать в доме для него праздничную обстановку – пригласить друзей, накрыть стол, поздравить. А, во-вторых, сегодня придется объясняться с Лариской Нечаевой. Придется объяснять, что ничего между ними быть не может, что они совершенно разные люди, что для Андрея армия, в смысле флот – это вся его жизнь. А Лариска не годится в офицерские жены, она не сможет ждать неделями и месяцами одна в пустой квартире и быть готовой... ко всему. Лариска, она ведь...

Андрей махнул рукой, как будто спорил сейчас с кем-то в комнате. Проворчав нечто не очень лестное в адрес всего окружающего мира, он откинул одеяло, спустил ноги на пол и потянулся.

На кухне довольно приятным голосом засвистел чайник. Андрей улыбнулся: наконец он нашел чайник с таким свистком, который не рвал душу, а, закипая, призывал к приятному чаепитию. Значит, отцу тоже не спится, чаек заваривает. Может, ему сегодня получше?

Андрей вскочил с кровати и, шлепая босыми ступнями по дубовому паркету, пошел на кухню. Отец был там. Наклонив лобастый лысеющий знаменитый «истоминский» череп, он старательно заваривал чай, соблюдая все необходимые флотские манипуляции. Такие, как обваривание керамического заварочного чайника кипятком, заливание заварки струей с высоты не ниже двадцати сантиметров, чтобы создать пенку.

– Доброе утро, папа!

– А! – отец посмотрел на сына и улыбнулся. – Чего не спится? Тебе сегодня не на службу!

– С праздником, папа, – еще шире улыбнулся Андрей, переминаясь босыми ногами.

– Спасибо, и тебя с праздником, – кивнул отец. – Ты бы ради такого дня надел что-нибудь более праздничное, чем трусы.

– Потом! – махнул Андрей рукой. – Я просто хотел тебе сразу сказать, что подарок для тебя принесут часам к одиннадцати. Во! – Андрей выставил вверх большой палец руки и подмигнул.

– Это ты чего же придумал? – насторожился отец. – Кто принесет?

– Не знаю, какая-нибудь служба доставки подарков для заслуженных офицеров Военно-морского флота в отставке.

– Ну-ка, не темни! – командирским голосом прикрикнул отец, и сразу стало понятно, что ему интересно и приятно внимание сына.

– Виноват, товарищ капитан первого ранга! – вытянулся Андрей и попытался шелкнуть голыми пятками. – Вам будет доставлен в подарок домашний кинотеатр!

– Эт-то что еще такое? – изумился Истомин-старший и присел на табурет.

– Это, папа, – подошел к нему Андрей и присел рядом, – большой телевизор с большими колонками, которые позволяют создавать весьма реалистичный звук. А еще это не просто телевизор, а фактически компьютер, потому что по нему можно просматривать и диски, и записи с других носителей информации. Я думаю, что твои старые пленки, которые ты любишь смотреть с сослуживцами, он тоже потянет. Можете сидеть развалясь в креслах, как на мостике авианосца, и потягивать пиво.

– Спасибо, – потрепал сына по коротко стриженной голове отец, – уважил старика, знаешь, что наше поколение живет теперь только воспоминаниями. А это тебе. От меня.

Рука отца взяла с подоконника сверток в искристой подарочной упаковке с небольшим бантиком.

– Это тебе и для дома, и для службы. Морскому офицеру надлежит выглядеть всегда по первому разряду.

Андрей уже догадался, что там может быть, но все равно сделал удивленно-радостное лицо, когда, распаковав бумагу, увидел внутри коробку и надпись «Samsung». Так и есть: аккумуляторная бритва с самоочищающейся головкой и емкостью аккумулятора, позволяющей бриться ежедневно без подзарядки в течение недели. Подарок с намеком!

Потом они пили свежесваренный крепкий сладкий чай с бутербродами. Вспоминали прошлые годы. Андрей радовался, что сердце у отца немного отпустило. Затем они смотрели по телевизору праздничные программы. А потом раздался долгожданный звонок в дверь.

Оставшаяся часть дня была занята распаковыванием и подключением всех элементов «домашнего кинотеатра». Наконец сам телевизор был установлен на низенький столик у окна, аудиосистема расставлена на нужном расстоянии и отрегулирована. И наконец Андрей включил первую запись – возвращение из длительного похода Истомина-старшего. Севастополь, солнце, музыка, флаги, мундиры!

– Папа, я уйду ненадолго, – осторожно сказал Андрей.

– Куда? – глаза отца сразу потемнели.

– Встретиться кое с кем надо. Буквально полчаса! А потом я заскочу в супермаркет за свежими фруктами и домой. У нас же сегодня праздник! Может, и коньячка пригубишь? А?

С Лариской они встретились у Морского вокзала, как и было договорено. Она в белой курточке и белых высоких сапогах. Он в черной куртке и черной вязаной шапке. Как-то так само собой получилось противопоставление, будто своими нарядами они подчеркивали различия между ними. Андрей не стал тянуть и сразу сказал:

– Прости, Лариса, что говорю тебе это в праздничный день, но это все-таки мой праздник, и мне позволительно его себе портить. Нам нужно расстаться! Мы не подходим друг другу, мы совсем разные с тобой, у нас не получится семьи, а несерьезных отношений я не хочу.

Он видел, как задрожала нижняя губа у девушки, как слезами стали наполняться глаза. Как ее рука, которую она сунула в карман куртки, там и замерла. Говорить было больно, так же, наверное, больно, как Лариске слушать, но он продолжал объяснять.

– Понимаешь, тебе придется меня ждать. Ждать часто и подолгу. А ты к этому никогда не привыкнешь. Тебе нужно внимание, тебе нужно постоянное общение, ты привыкла к публичной жизни, к тусовкам.

– Но ты же мог бы все это бросить когда-нибудь, – прошептала Лариска вдруг опухшими и покрасневшими губами. – Ты ведь не собираешься до седых волос плавать, бегать и нырять? Тебе ведь когда-то же придется переходить к нормальной человеческой жизни?

– Вот ты сама и ответила, – угрюмо подвел итог Андрей. – Ты не понимаешь, что именно это и есть моя профессия и моя жизнь. В нее можно войти и разделить ее со мной, но ее нельзя изменить извне, повлиять на нее. Иного просто не дано. Или со мной, или нет.

– А как же... как же я, как же быть с моей жизнью? Она ведь тоже человеческая, она ведь тоже имеет право на существование! И как я могу просто поставить на ней крест и сесть в четырех стенах...

– Вот об этом я и говорю!

– Но, Андрей! Есть же любовь, есть же самопожертвование ради любимого человека. Ты даже не хочешь попытаться что-то сделать для меня?

Разговор приобретал абсолютно бессмысленную форму. Это уже не было диалогом, а скорее двумя монологами, в котором каждый не видел и не слышал другого. Андрей понял, что надо по-живому резать, а тянуть и щадить девушку нельзя. Будет только больнее!

– Хочу, но только не этого! – резко сказал он. – Я военный, офицер военного флота, и ты это всегда знала. И так все останется, с тобой или без тебя. Прощай, Лариса! Надо расстаться, и сделать это необходимо сразу.

Он повернулся, чтобы не видеть ее слез, обиды на розовом личике, не видеть этих ресниц, которые трепещут, как крылышки мотылька. Не видеть всего того, что он, наверное, раньше любил, что его привлекало, восхищало, но стало вдруг чужим. Нет, не так! Которое так и не стало родным!

Андрей шел размашистым шагом, опустив голову и стиснув зубы. Он понимал, что ничего толком не объяснил. Что надо было все сказать как-то по-другому, иначе, понятнее, что ли. А в голове пульсировала только одна мысль:

«Лучше так и сразу! Лучше так и сразу!»

Занятый своими мыслями, он не сразу услышал, что происходило за его спиной. А там вдруг завизжала автомобильная резина от резкого торможения, раздались крики, потом курлыкнула сирена полицейского автомобиля. Первая мысль, промелькнувшая в голове Андрея, – Лариса в состоянии полного отчаяния пошла через дорогу и ее сбило машиной. Он в страхе обернулся и увидел совершенно иную картину.

Четверо мужчин пятились в сторону пирса прогулочных судов. От них в разные стороны спешили прохожие, а на площадь одна за другой съезжались полицейские легковые машины. Люди в форме выпрыгивали из автомобилей и прятались за ними, выставляя оружие и целясь в этих мужчин. И Андрей не сразу увидел, что один из незнакомцев держит перед собой Ларису, зажав ее горло сгибом локтя. Белая курточка, белые сапожки и вытаращенные глаза!

Андрей сразу озверел. Где-то в глубине души он и так чувствовал вину перед девушкой, а теперь получалось, что она попала в переделку из-за него, из-за того, что они так плохо и неожиданно для нее расстались. Его вины в этом, конечно же, не было, но сердце почему-то сжалось от страха за девушку.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что эти четверо преступники, что полиция их гнала и загнала сюда – к Морвокзалу. И им ничего уже не оставалось, как хватать первого же попавшегося человека в заложники. И этим человеком оказалась одиноко стоявшая и ничего из-за своего горя вокруг не замечавшая Лариска.

От преступников Андрея отделяло метров пятьдесят. Рвануть вперед, разметать, как щенков! Смог бы, легко! Но только полиция может в него начать стрелять. А еще было нечто, прижатое к шее Лариски. Или нож, или пистолет, и это нечто преступники могли незамедлительно пустить в ход. Эти четверо наверняка сейчас в очень нервном состоянии и могут запросто убить заложника.

Оценка ситуации не заняла много времени. Если этим четверым и было куда отступать и где-то искать спасения, так это в море. Тем более за их спинами как раз пришвартовался прогулочный катер «Геленджик».

Маршрут экскурсии по Цемесской бухте от причала до Суджукского маяка и обратно появился совсем недавно. Это была часовая прогулка, и рейсы не отменяли, даже если на борту мало пассажиров, помешать могло только волнение моря в три-четыре балла. На этом маршруте курсировали два катера, которые отправлялись от причала каждый час. Еще не стемнело, но этот рейс катера, с которого сейчас высаживались люди, был, очевидно, последним. Волнение на море увеличивалось.

Люди на причале не сразу поняли, что происходит, а сообразив, в панике бросились в разные стороны. Один из бандитов, вооруженный короткоствольным автоматом, вдруг побежал к катеру, где матрос пытался безуспешно снять швартовый канат. Окрестности огласили

звуки короткой очереди, пущенной в воздух. Андрей бежал к пирсу параллельно движению преступников и слышал, как один из них кричал морякам, чтобы они не убирали сходни. Еще одна очередь прозвучала, и в воздухе на морском ветру отчетливо послышался звук пуль, которые пробивали металл судовых переборок.

Андрей был у соседнего пирса, когда четверо преступников уже по сходням заходили на небольшой прогулочный катер и последний из них затаскивал туда Лариску. Бедная девчонка! Каково ей сейчас!

Причального матроса пинком заставили сбросить наконец швартовый конец с тумбы. Один из бандитов не разобрался и попытался спихнуть в воду с борта катера швартовый мостик с леерами боковых ограждений. Он не понял, что сходни были надежно прикреплены к палубе и только выдвигались при швартовке. От ударов ног мостик косо повис над водой и мешал закрыть дверку на борту. В таком нелепом виде катер стал отходить, буравя воду за кормой двумя винтами.

Кто-то из старших полицейских чинов кричал что-то в рацию, две машины сорвались, разрывая тишину площади сиренами, понеслись в сторону центра. Андрей спустился к воде подальше от посторонних глаз и сбросил куртку, оставшись в одном шерстяном свитере, потом быстро развязал шнурки и скинул теплые зимние кроссовки. Все, внимания на него никто не обращает, а в легкой волне возле пирсов среди белых барашков его тем более никто не увидит. Да и кто додумается искать опасность в воде в феврале. В восьмиградусной воде!

Температура воды и температура воздуха были почти одинаковыми, поэтому Андрей не почувствовал холода. Просто среда вокруг него как-то изменилась, и все. Он вынырнул и сразу увидел катер, который разворачивался возле пирса. Кажется, там капитан что-то мудрил и делал странные движения. А может, это бандиты, убили капитана и катер неуправляем. Эта мысль добавила Андрею злости, и он стал сильными взмахами рук грести в сторону судна. Пока его прикрывает пирс, можно плыть на поверхности классическим мощным кролем, чтобы сократить расстояние. Потом такой возможности может не представиться.

«На набережной сейчас, наверное, шумно, – думал Андрей, рассекая воду. – Сейчас прибудет ОМОН, который все оцепит, потом выйдут в море и подтянутся сюда катера морской полиции. Но они будут держаться в стороне до особого приказа. Приказа на штурм, например». Как Андрей ни старался, а мысли снова и снова возвращались к перепуганной Лариске. Наверное, ей там не просто страшно, а жутко. Бедная девочка, а тут я еще со своими расставаниями.

Андрей хорошо представлял себе, что сейчас происходит в срочно созданном штабе по чрезвычайной ситуации. Сейчас начальство гражданского флота, полиция, командиры ОМОНа, представитель МЧС ломают голову над тем, что делать. И решать им особенно нечего, потому что у них выхода только два. Либо штурмовать катер и постараться, чтобы жертв среди заложников было не очень много, либо попытаться затеять переговоры с бандитами, вести их вдоль берега, а потом взять во время высадки на берег. Игра может затянуться.

Андрей хорошо себе представлял ситуацию на катере. Моторист, капитан и матрос. И Лариска. Много! Для четверых паникующих бандитов это слишком много. Они начнут диктовать условия и давать понять, что настроены серьезно. Наверняка при первой же возможности кого-то убьют. Нет у них возможности страховать четверых заложников. Эта мысль придавала Андрею сил.

Катер стал кружить в отдалении от пирса, а с его борта послышался усиленный аппаратурой голос старшего из бандитов.

– Эй, вы, там! Легавые! Не вздумайте даже приближаться к нам, а то мы вам трупки начнем сбрасывать за борт. Вы решите, кто у вас главный, с кем нам дело иметь. Через пять минут я по мобиле позвоню 112, пусть там меня соединят. Базарить будем через пять минут!

Андрей оскалился в нехорошей улыбке и нечаянно хватанул ртом соленой воды. Ему стало жалко преступников. В переносном смысле, конечно. Решили куда не ходить?

Молодцы, но это вам дорого обойдется. Фильмов, что ли, не смотрели про погони и захваты заложников, уроды. Вы же сейчас инициативу теряете, а это гибель. Уходить вам надо было, а по дороге связываться с властями и диктовать условия. Каждый ваш шаг должен быть непредсказуем или с трудом предсказуем. А так...

Теперь его могли увидеть с берега и, что гораздо хуже, с катера. Наверняка там стараются держать в поле зрения всю акваторию. Хорошо, что скоро сумерки, что вода темная и неспокойная. Для боевого пловца самая подходящая погода. Без всплеска Андрей ушел под воду и поплыл к катеру на глубине около метра. Примерно через полторы минуты он осторожно всплыл, выставив на поверхность лицо, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и снова ушел под воду.

На глубине одного метра волнение ощущалось, оно мешало плыть в экономичном режиме. Хорошо бы спуститься метров на пять, тогда бы и днище катера можно было видеть впереди и не терять силы на борьбу с волнением. Но без акваланга это сложно. Даже на пяти метрах давление приличное, оно выдавливает из организма кислород, как прессом. И потери времени на погружение и всплытие ничем не компенсируются. Нет, сейчас можно действовать только так.

Еще два всплытия и погружения, и Андрей оказался в десятке метров от катера. Самое безопасное место было у кормы и со стороны носа. Там его бы никто из бандитов точно не увидел во время всплытия. Но там другая опасность. У кормы его могло затянуть под винты, которые на холостом ходу молотили воду, а со стороны носа могло затянуть под днище, а дальше опять под винты, если катер двинется.

Андрей всплыл возле борта и сразу посмотрел вверх. Никто через борт не перегибался, в воду не вглядывался. Это хорошо. Но вот как взобраться на палубу, когда до края борта метра два? Ты же не дельфин и так высоко выпрыгивать не умеешь. Значит, только подтягиваться на висевших по бортам старых автомобильных покрышках. И еще желательно, чтобы никого из бандитов не было в машинном отделении. А то ведь вот эти маленькие иллюминаторы вдоль бортов как раз...

Мотор катера взревел, и Андрей поспешно вцепился руками в старую покрышку. Кажется, там никто ни с кем не договорился, потому что катер стал разворачиваться, заводя корму в сторону пирса. Сейчас он наберет обороты и пойдет... куда? А никуда он дойти не успеет! Андрей подтянулся, забросил ногу на покрышку и ухватился рукой за цепь. Еще одно движение, и он на корточках на колесе. Теперь нужно чуть приподнять голову и посмотреть, что же там творится на палубе под одним большим навесом.

Как и следовало ожидать, капитан стоял у штурвала, а в бок ему упирался ствол пистолета. Моторист был, наверное, внизу у дизеля, потому что на палубе лежали только два тела: мужское и женское. Лариса и матрос уткнулись лицом вниз и держали руки на затылке, а над ними стоял худой бандит очень болезненного вида. У него даже грудь выглядела впалой, как вдавленной. То ли рахитичный такой, то ли в самом деле больной. Двое других бандитов с автоматами АКСУ стояли вдоль обоих бортов и внимательно смотрели на море. Придурки, не вдаль смотреть надо! Я уже здесь.

Атаковать можно было в любой момент. Андрей за себя не боялся, даже если все четверо вдруг подняли бы оружие и начали в него стрелять. Во-первых, попасть в человека, если не умеешь стрелять как следует, очень сложно. Случайные попадания бывают, но это большая редкость и принимать во внимание эту случайность не стоит. А, во-вторых, если человек умеет двигаться, знает тактику скоротечных огневых контактов, то ты замучаешься в него попадать. Перед тобой будет мелькать его фигура с такой скоростью, с какой ты только успеваешь водить за ним стволом автомата. А ведь он еще будет стремиться оказаться на одной линии с твоими друзьями.

Беда заключалась в другом, в том, что капитану в бок упирался пистолет. Умышленно или от страха, но главарь может неожиданно спустить курок. Это будет уже очень небрежной работой, боевой пловец! Не профессионально! Нужен ход, нужна уловка, чтобы отвлечь его. Лишь бы он хоть на несколько секунд отвел ствол пистолета в сторону, прыгнуть на палубу, выхватить автомат из рук первого же попавшегося бандита и сделать прицельный выстрел в главаря. Да легко, реакции и скорости движений для этого хватит, а противник у него нетренированный, пьющий, курящий. Беда в другом! А вдруг автомат не заряжен? Где они взяли это оружие, есть ли у них патроны?

На глаза Андрею попался солдатский вещмешок, валявшийся на лавке в трех метрах от него. Из него были вынуты и разложены на лавке черный хлеб, три банки консервов, колбаса и... ни одного ножа. Не беда, потому что для настоящего бойца оружием может служить все, что угодно, а тут банка консервов. Самая большая банка с тушенкой, насколько Андрей помнил, весила 325 граммов.

Стоять на носках на автомобильной крышке было неудобно. Да и мокрая одежда создавала определенный дискомфорт, если так можно выразиться. Еще минута, и телом овладеет дрожь, с которой бороться можно только специальными упражнениями. Но и это не беда, беда в том, что мышцы начали застывать, их буквально сковывало. Реакция, скорость в движениях начнут падать буквально на глазах, а он должен вступить в схватку с вооруженными преступниками.

Андрей несколько раз напряг и расслабил мышцы, стараясь хоть сколько-то разогреть их, потом прыгнул вперед. Катер уже шел к выходу из бухты, и внимание бандитов было направлено на окружающую акваторию. Появление человека на борту вызвало сначала недоумение, потом подозрение. Андрея увидели только двое, и, кажется, они сначала приняли его за третьего члена экипажа, потому что он кинулся к еде, а не на них.

С удовольствием ощутив тяжесть банки с тушенкой, Андрей перехватил ее поудобнее и что есть силы запустил в голову главарю. Теперь бандиты что-то поняли, но первым делом попытались увернуться от летевшей куда-то банки. Когда два автомата поднялись и нацелились на Андрея, банка с глухим стуком ударила их главаря в голову. Он вскрикнул и повалился на капитана.

Выстрелить никто не успел.

Андрей в затылочном кувырке достал первого бандита, который стоял над распростертыми на палубе заложниками. Заканчивая кувырок, он ударил ногами в его руки. Бандит отшатнулся и чуть не выронил автомат. Андрей боковым зрением увидел, что бандит слева пытается отойти в сторону, чтобы его дружок не оказался на линии огня. Да и не всерьез он воспринял то, что происходило на его глазах. Как же! Их четверо с автоматами, а тут один какой-то шальной...

Андрей сгреб в охапку бандита. Они ударились о спинку кресла, Истомин, рванув автомат вверх, ударил им своего противника в подбородок. Он нажал своим пальцем на палец бандита на спусковом крючке – прозвучала очередь. Пули пошли вверх, пробив металлический навес над головой.

Где-то внизу испуганно вскрикнула Лариса, где-то справа наверняка в него стал целиться третий бандит, но разобраться надо было со вторым, который уже готов был стрелять. Короткое движение, нажим, чтобы справиться с сопротивлением зажатого в мощных тисках его рук противника, и автоматная очередь прошила грудь того, кто был слева. Разворот всем корпусом с ударом ноги под колено, и «живой щит» в руках Андрея что-то прокричал невразумительное. Третий уже все понял и готов был не жалеть и приятеля. Снова очередь, но парень оказался шустрым!

Он метнулся куда-то вниз, и Андрей сообразил – там вход в машинное отделение, там моторист, который тоже является заложником. И выкурить этого типа снизу будет сложно. Андрей высвободил правую руку, схватил своего противника за воротник и трижды что есть

силы ударил его головой о железную стойку навеса. Бандит осел как тряпичная кукла. Андрей вырвал из его рук автомат и в два прыжка преодолел расстояние до трапа, ведущего вниз. Он сразу увидел плечи и голову бандита, почти за секунду до того, как тот скрылся бы. Но скрыться преступнику было не суждено. Остатки патронов в магазине Андрей выпустил вниз, морщась от оглушающего грохота автомата. Пули били в металл, рикошетили, высекали искры, пороховые газы сразу затуманили лестничное пространство. А когда их вытянул сквозняк, то перед глазами предстало скрюченное окровавленное тело. Одна нога еще дергалась, но это была агония.

Лариса с матросом несмело поднимались и озирались по сторонам. Потом появился Андрей во всей красе. Гора мышц, челюсть, плечищи, облепленные мокрым свитером, и небрежная походочка человека, закончившего работу. Эх, как все это нравилось девчонкам. Правда, самого Истомина их реакция перестала веселить и забавлять.

– Капитан, правь к пирсу! – крикнул он. – Пираты обезврежены...

– Андрей! – истерично закричала Лариса и бросилась к нему на шею.

Капитан и матрос ошарашенно смотрели на человека, который неизвестно откуда появился, мгновенно разобрался с бандитами, а теперь еще оказался знакомым этой девчонки. Что за сказка! А она-то! Ишь как повисла на нем, целует лицо, руки, свитер на груди. Видать, переживаний ей хватило с лихвой.

– Андрюшенька, милый, это ты... я знала, что ты не оставишь меня, что ты поможешь...

Милый, родной мой, если бы ты знал, как я... это же ужас...

Андрей гладил девушку по голове и наблюдал, как катер разворачивается в сторону причала, как с берега на них смотрят в бинокли полицейские, как на пирсе собираются черные фигуры омоновцев. Не упускал он и из виду лежавшего ничком главаря бандитов. Что-то тот не подавал признаков жизни. Не перестарался ли он с банкой? Все-таки 325 граммов, да пущенных с такой силой... Беда-а!

А потом Истомина отвезли домой, но было это уже около одиннадцати вечера. После всех допросов, протоколов и актов. Отец не вышел на звук открывающейся двери, думая, что сын нарушил обещания и опять развлекается с девицами. А потом Андрей прошел в комнату, шлепая мокрыми носками по полу, и встал перед угрюмым отцом.

Через час мир был восстановлен, потому что иллюстрацией рассказа Андрея был репортаж с Морвокзала о том, что какой-то представитель спецслужб обезвредил и так далее. Вымытый и распаренный сын сидел с отцом и смаковал коньяк. Ему было грустно, потому что снова пришлось прощаться с Лариской и объяснять ей, что он кинулся спасать не ее, потому что испытывал к ней какие-то чувства, а всех заложников. И бросился потому, что он мог их спасти, а значит, должен был.

Вскоре в газете появилась статья, но фотографию героя-морьяка журналистам командование запретило печатать.

Глава 2

Аденский залив

С молодой четой Карсонов Луиза познакомилась в Ахмадабаде. Джон Карсон и Глория были молодоженами. Это сразу бросалось в глаза. И по тому, как они смотрели друг на друга, как касались друг друга. И несмотря на то, что Джон старше своей молодой жены лет на двадцать, чувства он к ней испытывал пылкие, юношеские.

Джон Карсон – крупный землевладелец в Испании. Большая часть его состояния в недвижимости и в туристическом бизнесе. Глория была топ-менеджером в одной из его компаний, и случилось то, что часто случается, – они полюбили друг друга. Правда, Луиза с некоторым скепсисом относилась к таким историям, но своих потаенных мыслей не выдавала.

Впервые Луиза Уитнер столкнулась с молодоженами в мечети Сиди Башир, расположенной в Ахмадабаде. Этот город в индийской провинции Гуджарат был крупной достопримечательностью и привлекал туристов со всего света. И естественно, что одним из самых притягательных мест города являлась эта мечеть из-за ее уникальной архитектуры. А еще ее называли Мечеть Джульта Минар, что значит Мечеть с Дрожащими Минаретами{ У мечети есть два минарета, каждый из которых имеет три уровня с высокими резными балконами. Любое сотрясение в любом из минаретов передается другому минарету, который будет вибрировать в течение нескольких секунд несмотря на то, что соединяющий их проход остается свободным от вибрации. Причина этого уникального свойства здания неизвестна. Впервые из европейцев это явление заметил и описал в XIX веке английский ученый М. Вильямс. }.

Луиза старалась не попадаться молодой паре на глаза, чтобы потом в удобный момент случилась «маленькая неприятность». Засмотревшись на здание, плечистый мистер Карсон случайно толкнул молодую незнакомку. Девушка упала и подвернула ногу. Правда, еще и коленку ободрала, но это было уже удачным экспромтом.

Последовала буря извинений и возгласов «какой я неуклюжий». Испачканные и порванные на колене незнакомки брючки заставили виновника этой неприятности проявить максимум галантности и предложить посетить их яхту, что стояла на рейде. Так произошло знакомство, так Луиза Уитнер оказалась на яхте «Венера», на которой молодая чета возвращалась из экзотического свадебного путешествия по Юго-Восточной Азии.

Луиза оказалась очень интересным человеком и быстро подружилась с Глорией. Они были даже чем-то похожи. Обе высокие, с хорошими фигурами, с короткими светлыми волосами и серыми глазами. В определенной ситуации их можно было бы принять за сестер, если бы не чисто американское произношение и грубоватый голос Луизы.

Как-то само собой получилось, что молодожены пригласили Луизу отправиться в Европу с ними на яхте, Луиза согласилась и вот уже второй день развлекала хозяев подробностями признаков надвигающегося «конца света». Будучи геологом, она сыпала терминами из геотектоники, рисовала схему магнитного поля Земли, подробно расписывала механизм смены магнитных полюсов и возможных катастрофических последствий этого. Отдельно Луиза много рассказывала о календаре индейцев майя и их предсказаниях.

Все это страшно забавляло молодую чету, а к концу вторых суток Луиза вдруг расхоталась и призналась, что все ею рассказанное – самая заурядная чушь, которая интересна только журналистам. Она очень подробно поведала историю нахождения этих плит с высеченными на них символами в дебрях Южной Америки. Как эти символы стали переводить, как стали пытаться соотносить их с нашим летосчислением и как окончательно запутались. Осталась только журналистская утка, на которой сделали большие деньги издатели и кинокомпа-

нии. Никто ведь не знает, что это не календарь маяя заканчивается на декабре 2012 года, а сама плита, на которой он высечен. Там просто большой поврежденный участок. А на других плитах есть и 2014 год, и другие, что идут после 2012-го.

Все было отлично, только стюард Карсонов Луизе очень не нравился. Этот невысокий худощавый молодой мужчина с прилизанными жидкими волосами и слащавыми манерами гомосексуалиста был ей почему-то неприятен. То ли она недолюбливала таких не в меру услужливых типов, то ли была иная причина, но на Руди Саласа она не могла смотреть иначе, кроме как с неприязнью.

Вскоре яхта вошла в Аденский залив. Луиза стала молчаливой и напряженной, но Джон успокоил девушку. Судно имело такую скорость, что катера пиратов, если таковые и появятся вдали от сомалийских берегов, их просто не догонят. «Венера» была маневренным судном, а максимальная скорость, которую она могла развить в случае необходимости, равнялась шестидесяти узлам. В пересчете на сухопутное исчисление это было больше ста километров в час. Правда, при этом яхта тратила катастрофическое количество горючего, но Джон советовал об этом не беспокоиться.

Это произошло на рассвете при очень спокойном море. Луиза услышала, как мерному плеску волн за иллюминатором у изголовья кровати в ее каюте, добавляется еще какой-то звук. Сначала он показался ей похожим на комариный писк, потом на звук автомобильного мотора. А когда она окончательно проснулась, то поняла: пришла беда.

Рев моторов быстроходных катеров слышался слева и сзади. Потом над водой застучали знакомые звуки пулеметных и автоматных очередей. Луиза вскочила с постели и бросилась к иллюминатору. Катера крутились на кильватерной струе яхты, выскакивали сбоку, но все эти маневры заставляли их терять скорость, а яхта все ускоряла и ускоряла ход. Корпус стал мелко вибрировать, это ощущалось босыми ногами, если стоять на полу.

Кажется, удастся уйти, решила Луиза и, натянув шорты и футболку, бросилась из каюты. Она слышала, как звуки моторов катеров сместились и теперь раздавались слева, слышала, как по корпусу несколько раз ударило будто горохом. Наверное, это пули били в переборки ходового мостика. А есть ли у Джона оружие? Мысль пришла в голову и тут же исчезла, потому что яхта как будто натолкнулась на что-то. Луиза споткнулась и по инерции пролетела по коридору до самой лестницы.

Судно билось будто в агонии, пытаясь обоими моторами взбить воду за кормой и снова понестись вперед. Но что-то мешало, а потом двигатели встали. На палубе кто-то закричал по-английски, затопали ноги. А потом совсем рядом, судя по звукам, появились катера. Вот тебе и надежда на технику! А она возьми и подведи в самый неподходящий момент. Луиза подумала, что пуля пиратов могла повредить какой-то механизм яхты или просто пробить борт и убить механика.

Луиза выскочила на палубу. Большого смысла в этом поступке не было, потому что либо у хозяина яхты имелись средства защиты от нападения морских разбойников, либо не имелись. Во втором случае сопротивление бессмысленно. Наличие автоматического оружия у пиратов, быстроходные катера и огромный опыт сводили все попытки экипажа отбиться от нападения к нулю.

И все-таки девушка не могла сидеть в каюте, когда снаружи разворачивались такие события. Она прекрасно знала о повадках сомалийских пиратов, знала, что кровь проливается тут редко. Пираты держали слово и выдавали суда и заложников, когда затребованная ими сумма выплачивалась. И все экипажи ходивших через Аденский залив судов понимали, что лучше не сопротивляться и тогда все обойдется. Судовладелец заплатит выкуп, страховая компания компенсирует судовладельцу потери, экипаж вернется домой, и все будут довольны. Даже получатель груза не сможет возразить и предъявить дополнительные требования к перевозчику,

потому что захват груза пиратами считается форс-мажорными обстоятельствами, как стихийные бедствия или военные действия.

Удары по борту, скрежет, а потом две длинные автоматные очереди. Над палубой пронесся пронзительный человеческий крик. Потом затопали ноги и послышались злобные голоса, снова ударили автоматы. Луиза стиснула зубы и бросилась по лестнице вверх. Уж совсем невозможно было сидеть в своей каюте, когда наверху убивали людей.

Лестница выходила на нижнюю палубу, и миновать этот участок никак нельзя. Луиза надеялась, миновав двери, прошмыгнуть направо и укрыться за моторным катером, затянутым брезентом и принайтовленным у борта. Оттуда можно было оценить обстановку и придумать, что следует сделать в данной ситуации. Но то, что девушка увидела, смешало все ее планы.

Три члена экипажа валялись на палубе в лужах крови, через оба борта лезли с криками чернокожие люди в стареньких военных камуфляжных костюмах. А еще она увидела Джона Карсона в спортивной майке и таких же трусах. Увлечение спортом и крепкое телосложение позволяли бизнесмену оказать нападавшим достойное сопротивление. Трое чернокожих пиратов никак не могли справиться с европейцем. Удары сыпались с обеих сторон, тела сплетались, и тут же груды тел рассыпалась, и снова Карсон поднимался в полный рост над местом схватки. Он никак не мог дотянуться до огромного «кольта» 45-го калибра, который у него выбили в самом начале схватки.

И тут пираты увидели Луизу. Настал критический момент принятия решения. Или сразу сдаваться и надеяться на милосердие бандитов, а учитывая три трупа моряков, надеяться особенно не на что. Либо... Либо попытаться изменить преимущество сил в свою сторону. Ведь где-то были еще двое моряков из маленького экипажа яхты, неприятный стюард Салас, который тоже мужчина. А главное, пиратов не так уж и много, всего человек десять или пятнадцать.

Луиза рассчитывала на то, что ей удастся схватить валявшийся на палубе пистолет. Наверняка пираты не рискнут стрелять в нее в этой толчее на палубе, опасаясь попасть в своих. Если удастся пристрелить пару или тройку пиратов, то, возможно, Джон сможет взять автомат одного из убитых. Это шанс положить еще двоих-троих. Вот тебе и минус половина бандитов! Примерно пятеро внизу в лодках, а на палубе силы сравниваются, при условии, что вовремя подоспеют оставшиеся в живых члены экипажа. Как все это не вовремя! И так чудом удалось выбраться из Индии, а тут...

Появление молодой стройной женщины пираты не восприняли всерьез, посчитав, что она не представляет угрозы. И когда Луиза в кувырке бросила свое тело в сторону пистолета под ногами их собратьев, борющихся с европейцем, было поздно. Девушка схватила толстую рукоятку, проведя большим пальцем, сразу определила, что оружие снято с предохранителя и тут же нажала на спусковой крючок.

Первое ее действие должно было остановить наиболее ретивых бандитов, и тут было не очень важно попасть в кого-то. Главное стрельба и главное успеть понять, что патрон в пистолете загнан в патронник. Ей повезло! Первая же пуля попала в ногу одному из пиратов, державшему Джона сзади за шею. Луиза оттолкнулась ногами, крутанулась, как волчок на полу, на одной точке сгорбленной спины. Тут главное реакция и навыки, а все это у девушки было в достатке. Ее тело провернулось на полу дважды, а пистолет успел мощно произвести шесть выстрелов, подпрыгивая в руке.

Кто-то куда-то стрельнул из старенького АК-74, кто-то истошно заорал, затопали ноги разбегающихся во все стороны чернокожих бандитов. Луиза успела оценить результаты своей стрельбы как вполне удовлетворительные – минимум три серьезных попадания у нее получились. А что такое попадание из «кольта» с его пулей 11,43 мм, да с мощным патроном. Говорят, нападающий лев в саванне от попадания в лоб с близкого расстояния пули, выпущенной из «кольта», переворачивается через голову. Это называется мощное останавливающее действие.

Теперь время убираться с открытого пространства и отвлечь пиратов от Джона, чтобы дать ему возможность взять в руки оружие и...

Луиза прыгнула в сторону, прикрываясь надстройкой моторного узла трюмного лифта, но уже в прыжке поняла, что случилась беда. Она боковым зрением уловила безрадостную картину. Кажется, один пират отползал в сторону, держась за ногу, двое в панике бросились искать укрытие, а Джон, схватившись за живот и согнувшись пополам, валился на палубу.

Рискуя получить пулю, Луиза высунула голову и убедилась, что виденное ею не было ни сном и ни галлюцинацией. Сердце сжалось от обиды за Глорию, от горечи осознания, что тут почему-то не намерены никого щадить. Джон Карсон скорчился на палубе и ворочался там с утробными стонами. Пуля или пули попали ему в живот. Если не оказать срочную квалифицированную помощь, то всего через несколько часов человек погибнет. А от болевого шока он может умереть через несколько минут.

Луиза мысленно измерила расстояние до ближайшего автомата, который валялся на палубе. Наверное, метров пять. Это чуть больше секунды, и главное, чтобы никто не держал под прицелом ее убежище. Иначе, вскочив на ноги, она окажется сама под ливнем пуль. Нет, надо не к автомату бежать, а двигаться по периметру палубы и стрелять.

Разработать новый план не удалось, потому что в воцарившейся на какой-то миг тишине Луиза хорошо услышала сдавленный женский крик. И через секунду чернокожий человек с глубоким шрамом, пересекавшим правую бровь, вытащил на палубу Глорию. Женщина была в голубом дорогом пеньюаре, который теперь висел на ней ключьями. Бандит держал ее, обхватив за плечи рукой, а к горлу Глории был приставлен большой армейский нож.

– Эй, американка! – крикнул главарь по-английски с заметным акцентом. – Бросай оружие, а то твоя подруга умрет. Мы не воюем с женщинами и пощадим вас обеих.

Луиза застонала в голос от отчаяния. Она терпеть не могла, когда ее загоняли в угол, когда приходилось терять инициативу и действовать в угоду сложившейся ситуации и не иметь возможности просчитывать ее хотя бы на шаг вперед.

– Что вам от нас нужно? – крикнула Луиза в надежде еще немного потянуть время и подумать, как поступать дальше.

– Как что? – расхохотался главарь, вслед за смехом которого послышались не очень уверенные смешки его бойцов. – Добыча! Вы наши пленники, судно – наша добыча. За вас заплатят выкуп, и мы вас освободим.

– Зачем вы убили этих людей? – снова потребовала ответа Луиза.

– Они оказали сопротивление, а я не намерен жертвовать жизнью своих людей. Либо вы сдаетесь, либо умираете. Таков закон!

– Чей закон? – зло крикнула Луиза. – Это закон бандитизма! Мы в нейтральных водах, и вы нарушили международные законы, а не законы своей страны. Вы международные преступники!

– Эй ты, американка! – закричал главарь, перестав улыбаться.

До Луизы наконец дошло, что ее называют американкой, хотя Карсоны имели двойное гражданство. По происхождению они были англичанами, но имели еще и испанское гражданство, именно в этой стране существовал основной бизнес Джона. Этот тип по произношению понял, что девушка с пистолетом американка? Сомнительно! А еще говорят, что сомалийские пираты имеют своих людей во всех портах. И им поставляют информацию обо всех интересных грузах и богатых судах, которые намерены пройти Аденским заливом.

– Эй, ты! – разозлился главарь. – Не говори мне о международных законах! Где были твои милосердные законы, когда мою страну рвали на части западные компании, когда прибрежные воды грабили чужие суда, где были твои международные законы, когда в стране царил голод, когда умирали дети, когда за кусок хлеба брат убивал брата? Вы не смеете диктовать

нам условия, потому что вы не пришли нам на помощь, а теперь мы просто берем то, что вы нам задолжали, толстосумы! Бросай пистолет и выходи, или я отрежу голову этой твари!

Луиза стиснула зубы и швырнула пистолет под ноги главарю бандитов. Выхода не было, и ей очень не хотелось, чтобы из-за нее убили эту несчастную женщину, не обидевшую за свою жизнь и кошки, ту, которая исправно платила налоги и состояла членом двух или трех благотворительных обществ. Вот уж кто не заслужил такой расправы, так это Глория Карсон.

Луиза поднялась и широко расставила руки, демонстрируя, что оружия у нее больше нет. Вокруг главаря появились его бойцы, выбравшиеся из своих укрытий. Они настороженно следили за движениями девушки и продолжали целиться в нее из автоматов. Главарь снова расплылся в широченной улыбке, блеснув огромными белыми зубами. Он ободряюще кивал и, кажется, считал шаги, которые Луиза делала от своего укрытия до середины палубы. Потом он что-то сказал на своем родном языке, и случилось страшное...

Рука с огромным ножом вдруг сделала резкое движение по горизонтали, а потом вверх к уху. Глория взвизгнула и упала на колени, выпущенная бандитом. Остатки пеньюара на ее груди мгновенно потемнели от крови, она хлестала сквозь пальцы, которыми женщина зажимала перерезанное горло. Она страшно таращила глаза на Луизу. Постепенно глаза мутнели, потом женщина закашлялась, кровь хлынула изо рта, и она повалилась на палубу, дергаясь в агонии.

Главарь что-то крикнул, указывая на Луизу окровавленным ножом. К ней кинулись сразу несколько человек, но действовали они очень осторожно и пытались зайти сразу с нескольких сторон. Девушка издала хищный рык раненой пантеры и с разворота нанесла сильный удар в живот бандиту, который заходил сзади. От неожиданности пират вскрикнул и упал, выронив оружие. Луиза, продолжая балансировать на одной ноге, тут же изменила направление атаки и ударила боковой частью стопы в челюсть второму. Но на нее кинулись сразу несколько человек.

Луиза раздавала удары руками и ногами, обдирая кулаки. В спину ей врезался приклад с такой силой, что она потеряла равновесие. Но все же успела нанести удар согнутым локтем кому-то в зубы. А потом голова будто раскололась от страшной острой боли. Глаза увидели вместо привычного мира радугу с искрами и яркими разводами, а потом палуба стала стремительно приближаться.

Она не чувствовала, как ее схватили за ноги и потащили по палубе к борту. Там, накинув петлю, девушку как мешок спустили в один из катеров, где предварительно связали руки и ноги. Она не видела, как из машинного отделения вышли пираты и, скаля зубы, закивали. Не видела Луиза и то, как грабили каюты яхты, как автогенном вскрыли сейф с документами и деньгами, как с трупа Глории сдирали украшения. Как ее труп, вместе с трупом мужа и трупами членов команды сбрасывали за борт, привязав предварительно к ногам груз из найденных на судне тяжелых вещей.

Не видела Луиза того, как главарь пиратов дружески обнял Руди Саласа, появившегося на палубе. Как пираты хлопали европейца по плечам и улыбались.

Не видела она и того, что Саласа, спустившегося в катер главаря, вдруг ударили ножом в спину и столкнули ударом ноги за борт в бездонный океан. И вода на месте его падения стала окрашиваться в красный цвет. А катера уже двинулись, тяжело задирая носы, на юг в сторону побережья Сомалиленда. Умолкшая и одинокая яхта «Венера» осталась покачиваться на волнах, медленно разворачиваясь корпусом под действием течения и надвигающегося свежего морского ветра.

Москва. Главный штаб ВМФ

Капитан первого ранга Ломашевский мерил шагами коридор возле дверей комнаты для совещаний. Высокий, поджарый, с плотно сжатыми губами и колочими глазами на загорелом лице, он создавал впечатление матерого морского волка, которого только какие-то исключительные обстоятельства заставили сойти на грешную землю, оставив мостик своего корабля.

Причем ассоциации возникали отнюдь не с современными ракетными катерами или противолодочными кораблями, а именно с бригами и фрегатами, некогда бороздившими Карибское море под черным флагом. Да и внешность офицера в черном кителе с впечатляющим набором орденских планок, как-то очень хорошо ассоциировалась с ботфортами, цветным платком на голове и огромными пистолетами за широким кожаным поясом. К месту, наверное, был бы и попугай на плече, который бы постоянно кричал: «Пиастры! Пиастры!»

За дверями шло совещание высшего командования штаба флота и Разведуправления. Правда, там присутствовали еще какие-то люди в гражданском и в зеленой общевойсковой форме в чинах не ниже полковника. Ломашевский догадывался, что где-то создалась кризисная ситуация. Причем ситуация эта не касалась флота как такового. Возможно, что разведки, военной разведки, может быть, безопасности российских граждан за рубежом. Но решать задачу придется флоту. Это было очевидно. И груз этот командование флотом намечается повесить на его крепкую шею – капитана первого ранга Ломашевского.

Наконец одна створка высокой двери открылась, и появилась фигура офицера оперативного управления Черноморского флота. Он кивнул Ломашевскому и посторонился, пропуская его в зал для совещаний. Перед глазами офицера предстала большая комната с кольцом широкого стола посередине, за которым могло разместиться около тридцати человек. Сейчас же за ним сидели всего шестеро: заместитель начальника Главного штаба ВМФ, начальник Разведуправления флота, два полковника в общевойсковой форме и двое в гражданском.

Ломашевский повел головой, прикидывая, кому же доложить о своем прибытии, но его шеф, начальник Разведуправления, заговорил первым.

– Позвольте представить вам капитана первого ранга Ломашевского Дениса Васильевича. Очень опытный офицер из группы стратегических операций. За плечами не один десяток успешных операций за пределами нашей страны. Превосходный тактик с оперативным мышлением, отличной боевой подготовкой, умением командовать и добиваться цели в составе группы. В совершенстве владеет четырьмя языками, может объясняться на бытовом уровне еще на четырех. Разведуправление рекомендует Ломашевского в качестве командира группы.

– А сама группа? – резко и недовольно спросил лысеющий полковник в зеленой форме. – Саму группу вы не можете предоставить? Нет в наличии, все на заданиях?

– Видите ли, – спокойно пояснил начальник Разведуправления, – при подготовке таких операций у нас принято доверять ее одному человеку, лидеру, специалисту. А уж набор группы – это его дело, как и разработка самой операции. У вас разве не так?

По этой тираде Ломашевский понял, что армейский полковник не иначе как из ГРУ. В таком случае произошло нечто из ряда вон выходящее, если они сами срочно сюда прибыли, хотя официально и являются для разведки флота вышестоящей организацией. Неудивительно будет, если этот в гражданке окажется из аппарата Службы внешней разведки. Ломашевский стал просчитывать ситуации, при которых центральный аппарат не стал использовать свои группы, в которых хватает и моряков, и инженеров, и нелегалов-закордонников всех мастей. Получалось, что им нужны спец, у которых есть конкретный опыт в конкретных или конкретной операции. Или имеющие отношение к определенной специфике. Яснее ясного, что во всех разведподразделениях ГРУ не соберешь боевиков и агентов со всеми мыслимыми и немыслимыми специальностями.

– Скажите, Денис Васильевич, – мягким голосом произнес человек в штатском, – у вас есть опыт работы с боевыми пловцами? Боевой опыт.

– Ломашевский принимал участие в подготовке десанта и морской спецоперации в августе 2008 года по принуждению Грузии... – начал начальник флотской разведки, но человек в гражданке его перебил:

– Я помню. И так?

– Так точно, товарищ генерал, – ответил Ломашевский.

По тому, как у этого человека вздернулась одна бровь, а потом опала, и по тому, что он никак не отреагировал на это обращение, Ломашевский понял, что со званием не ошибся.

– Лично владею и аквалангами всех типов, и специальным подводным снаряжением. Имею опыт подготовки и проведения боевых операций. Думаю, дальше Средиземного моря и Северной Африки не пойдем. Значит, дело в нестабильном арабском мире.

– Хорошо, товарищи, – кивнул человек в гражданском, – я предлагаю поставить задачу и отпустить капитана первого ранга. Наши рекомендации и пожелания мы можем сформулировать несколько позднее и передать в штаб Черноморского флота в течение суток...

Египет. Южное побережье Синайского полуострова. Курорт Шарм-эль-Шейх

Отличить вновь прибывших на этот модный и один из самых красивых египетских курортов на побережье Красного моря можно по тому, как они проводят утро второго дня. Если не выходят из номеров или в состоянии полусонной прострации валяются под декоративными тростниковыми навесами на пляже, то ночь они провели на Синайской горе. Это стало даже не традицией, а какой-то страстью. Прибывающие в Шарм-эль-Шейх туристы неизменно первым делом направляются на экскурсию в монастырь Святой Екатерины, один из самых интересных туристических объектов на Синае, где находится часовня Неопалимой Купины. Монастырь расположен у подножия библейской Синайской горы, где, как гласит предание, Моисею были переданы скрижали с десятью заповедями.

И каждую ночь десятки паломников из разных стран мира поднимаются от монастыря на гору Синай, чтобы встретить там рассвет. Подъем не прост и не легок, как нелегко и спуск с горы, хотя он проходит уже при свете вставшего солнца. Тем не менее туристы после такого похода сутки отлеживаются в шезлонгах на морском ветерке или в номерах с включенными кондиционерами. Кому что приятнее.

В большинстве все же туристам приятнее дремать на воздухе. Здесь пред взором всегда огромное разнообразие диковинных цветов, изумрудная зелень лужаек, экзотические деревья и пальмы, отягощенные свисающими финиками. Пляжи здесь просторны и не зажаты городской инфраструктурой, песок мягок и нежен, а море имеет бирюзовый оттенок. Приятно после европейских городских ландшафтов лежать и наслаждаться видом голубых бассейнов под ногами, разноцветными каньонами, сказочного вида скалами вдали и морем желтого песка, уходящим вправо и влево за горизонт.

Мужчина в больших противосолнечных очках и цветных пляжных трусах сидел в глубоком шезлонге под коническим навесом. Он дремал. Этот немолодой уже человек имел хорошую фигуру, которая говорила о его спортивном прошлом или ином занятии, позволявшем или требовавшем сохранения хорошей физической формы.

Сейчас же мышцы выглядели обвисшими. Мужчина приподнял руку и посмотрел на часы. Видимо, время, которое указывали стрелки, чему-то соответствовало, потому что он принял вертикальную позу и отставил стакан.

Утопая по щиколотку в песке, по берегу шел смуглый человек средних лет, среднего телосложения и с полотенцем на плече. На нем были неизменные темные очки. Шел он неторопливо с видом отрешившегося от всех дел человека, но, поравнявшись с шезлонгом европейца (или американца), он резко свернул от воды и пошел в тень навеса.

– Я приветствую вас, Энди, – произнес он по-английски, бросая полотенце на свободный деревянный лежак и усаживаясь на него. – Как наши дела?

– Вы, Джон, поражаете меня! – с усмешкой ответил человек в шезлонге. – Сначала от вас в течение двух недель нет никаких известий, потом вы появляетесь, отказываетесь от официального доклада и требуете конфиденциальной встречи. Это я у вас должен спросить, а как же обстоят наши дела.

– Ну что же, – кивнул смуглый человек. – Практически вы ответили мне на многие не заданные мною вопросы. Напряжение в «конторе», как я понимаю, выросло до непостижимых показателей? Только непонятно, почему я являюсь объектом вашего раздражения, мистер Хабер? Не я создал ситуацию, при которой конфиденциальная информация стала известна посторонним людям, не я упустил объект из-под наблюдения. Я только получил задание, выполнение которого осложнялось огромным количеством неизвестных. И я его, между прочим, выполнил.

– Вот с этого и надо было начинать, – ворчливо ответил Хабер. – Так что же произошло из ряда вон выходящего, Лонго?

– Прежде чем отправлять доклады в «контору», я хотел бы поговорить с вами, Энди. Все-таки вы мой куратор в Северной Африке и вам было вменено в обязанность обеспечить выполнение мною этой миссии. Объект задержан и находится, как мне сообщили, под надежной охраной на границе Путленда и Сомалиленда. Но есть некоторые обстоятельства, которые я хотел бы обговорить с вами, прежде чем предъявлять их нашему начальству с крахмальными воротничками.

– Что произошло? – насторожился Хабер. – Вы наследили при выполнении операции?

– Я в ней не участвовал. Лично не участвовал. Мне бы это не удалось при всем моем горячем желании, потому что искать объект пришлось в регионе протяженностью в тысячи километров и на территории десятка государств. Сработал капкан в Индии, воспользоваться пришлось надежным вариантом с сомалийскими пиратами. Там все скрывается на дне морском без следа. Но пираты слишком любят деньги и работают очень небрежно.

– Иными словами, Джон, вы не знаете, где материалы? А допрос объекта?

– Этим я займусь, как только закончу беседу с вами. Скажу только, что поднимется шум в связи с гибелью европейцев и исчезновением морской яхты. Наемники, естественно, ничего не знали о материалах. Боюсь, что интересующие нас материалы находятся на дне морском.

– Нас устроил бы и такой вариант, если бы имелась гарантия. Вы можете предоставить гарантии, Джон?

Полковник ЦРУ Энди Хабер был опытным работником и хорошо знал нравы и порядки, царившие в «конторе». Там очень любили победы, за которые не судят, и терпеть не могли провалов. Тогда «контора» открещивалась и от своих агентов, и от своего участия в операциях. Всякое было, многое помнил полковник Хабер. Сейчас он правильно оценил ситуацию. Если нет материалов, за которыми охотился полевой агент Джон Лонго, то должны быть доказательства, что эти материалы уничтожены. Потому что это копии, и сами по себе они не имеют двусторонней ценности. А раз уничтожены, то операция выполнена успешно.

– Я позвоню оттуда, как только разберусь на месте, – пообещал Лонго. – Мне нужны будут деньги, ибо эти ребята сразу начнут меня шантажировать и пугать. Придется кое-кого умаслить, чтобы держать в узде главаря хоть какое-то время, пока они там все не снюхались и не сожрали меня самого. Не любят нас в этих странах, полковник, ох как не любят. И если бы не зеленые бумажки с ликами наших бывших президентов, то...

– Вы справитесь, Джон, я вас знаю не первый год, – усмехнулся Хабер. – Только помните, что у вас есть еще одна задача. Вы должны выяснить, что за «крот» завелся в нашей резидентуре. Откуда произошла утечка информации. Попытайтесь на месте по характеру материалов понять это.

Лонго кивнул и встал с лежака.

– Я в отель, а через два часа за мной к причалу подойдет катер. Так как с деньгами, Энди?

– Сколько нужно?

– Десять тысяч. Можно сотенными купюрами для компактности. И неплохо какой-нибудь кевларовый бронежилет, чтобы можно было надеть под рубашку. Свой мне пришлось оставить в Индии в отеле.

Новороссийск. Квартира капитана 1-го ранга в отставке В. И. Истомина

После того как ушел посыльный матрос из штаба бригады, Истомин-старший подошел и посмотрел сыну в глаза.

– Ты чего, папа? – Андрей постарался сделать лицо беззаботным. – Я же служу, неизбежно вызывают для...

– Я не вчера родился, Андрей, – остановил сына отец. – Тебе дали сутки на то, чтобы уладить личные дела, а такие приказы обычно отдаются перед... походами. Значит, командировка?

– Папа, ну я не знаю, – рассмеялся Истомин-младший. – Наверное. Ты вспомни, как мы блеснули на последних учениях перед представителями штаба флота. Наверняка потащат на какие-нибудь генштабовские учения. Так уже бывало.

Отец какое-то время смотрел на сына суровым взглядом, потом смягчился. Он потрепал Андрея по крутой шее и пошел на кухню заваривать чай.

– Ты никак не поймешь, что я не о тебе беспокоюсь, Андрей, – громко сказал он оттуда. – Ты взрослый мальчик, ты офицер, у тебя большой опыт, хорошая подготовка. Ты сможешь многое преодолеть и выполнить задачу.

– А что же тебя беспокоит, папа? – не понял Истомин-младший и вышел на кухню, подперев плечом дверной косяк.

– Ты до сих пор не женат, Андрей, и ничего не говоришь о своих планах на этот счет. Если тебя на любовном фронте преследуют сплошные неудачи, это может тебя беспокоить, мешать твоей службе...

– Стоп, стоп, стоп! – запротестовал Андрей, подошел к отцу, взял его за плечи и ткнулся лбом ему в затылок. – Папа, ты все еще считаешь меня ребенком. Тогда слушай доклад! Девушки у меня на настоящий момент нет, и вздыхать мне не о ком. Так что никакой помехи для службы не имеется. А если тебя волнует, что по дому не ползают в большом количестве внуки и внучки, то... Я просто не встретил еще той, от которой мне хотелось бы детей.

– Что, совсем? – повернулся к сыну отец. – А Лариса? Она создает впечатление самостоятельной и умной девушки.

– То-то и оно, – развел руками Андрей. – Слишком умная, настолько умная, что спланировала нашу совместную жизнь на много лет вперед и за меня, и за себя. Причем не получив даже предложения руки и сердца.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Она замучила бы и меня, и тебя своим мнением, что я достаточно послужил и теперь должен бросить флот. И примеры были бы приведены по поводу того, что многие ее знакомые занялись бизнесом и у них отлично пошло дело. Понимаешь, в ее кругу военная служба не в почете. У них престижны занятие бизнесом и жизнь в свое удовольствие. А я так жить не хочу, не умею и не желаю!

– Ну-ну, не шуми. Может, ты ее не так понял?

– А как еще понять женщину, которую в первую очередь волнует чувство собственного достоинства и мнение окружающих ее людей. Заметь, не мнение мужа, а мнение окружающих. Чуждый мне этот круг людей, папа, очень чуждый. Я офицер Российского флота, сын офицера и внук и... так далее.

Истомин-старший повернулся и посмотрел на сына. Ему понравилось, как он произнес эти слова. Раньше он такого за Андреем не замечал и такого от него не слышал. Исчезла эта так раздражавшая отца бравада и легкомысленность. Исчезла бесшабашность, легковесность суждений и поступков. И лицо Андрея после той прошлогодней командировки стало иным.

Повзрослевшим? Возможно. Во всяком случае, в парне стало больше силы, ответственности. Не за себя, не за свои поступки, а за большее. За то, чему служит российский офицер.

– Да, – тихо сказал Владимир Иванович, – ты вырос, сынок, повзрослел.

– Может быть, – так же тихо ответил Андрей, задумчиво глядя в окно на вечернюю улицу. – Может быть. Кстати, ты завтра со мной в школу пойдешь?

«Последний звонок» Андрей помнил хорошо. Он старательно скрывал грусть о том, что школа окончена, и тогда, и в последующие годы. Скрывал даже от Сашки Ветрова – своего лучшего и верного друга, от которого у Андрея никогда не было тайн. Почему он скрывал это от Сашки? Да потому что у них принято было с самого сопливого детства играть в «крутых» парней, которые от боли не плачут, от опасности не бегут, от смазливых девчонок не раскисают. Это была слабость, в которой Андрею не хотелось признаваться даже Сашке. А может, именно Сашке и не хотелось, потому что друг был первым судьей и свидетелем его достоинств и недостатков.

И вот теперь Сашки нет, а суд остался. Суд друга, который будет смотреть со своего постамент в сторону моря, но видеть все, что творится у Андрея на душе. Не то чтобы живой друг разговаривал с мертвым, нет. Скорее он невольно сверялся с теми критериями, которые их дружба задавала много, очень много лет назад.

Идея поставить в школьном дворе бюст Александра Ветрова, героя-моряка, погибшего вдали от Родины при выполнении важного правительственного задания, принадлежала одному из выпускников. Он был скульптором, знал Сашку и Андрея, был свидетелем их дружбы. Поддержала его и администрация школы, в целях патриотического воспитания.

Родители Сашки не возражали. Не возражал и Андрей. Ему хотелось, чтобы у Сашки была пусть не могила, но хотя бы место, к которому можно прийти и почтить его память. Пусть вот этот небольшой памятник в их школьном дворе, где в теплое время года проходят линейки, «последние звонки» и другие общешкольные мероприятия.

Открытие памятника бывшему ученику школы приурочили как раз к «последнему звонку». Новая группа учеников выходит в большую жизнь. Так пусть они знают, какой она иногда бывает и как в ней себя вели самые достойные.

Отец в форме стоял рядом с Андреем и смотрел не на памятник, а на школьников. Правильно, он с высоты своего жизненного опыта видел в них будущее, а памятники... Памятники – это прошлое, пройденное, то, что скоро или забудется, или просто потеряет остроту переживаний. Андрей смотрел на каменное лицо Сашки, и перед ним уже не так ярко виделась картина погружающейся в бездну разбитой яхты, мертвого тела, которое ворочают с бока на бок и захлестывают волны. И тот миг, когда очередная волна накрыла его и больше не отпустила, когда Андрей осознал, что это навеки. Сашка, друг, человек, который всю жизнь был рядом даже в такие минуты, когда рядом не было и не могло быть родителей, который знал и судил о таких вещах, о которых не рассказывают родителям, да и вообще никому... Сашка, который спас ему жизнь тогда в холодных водах Южной Атлантики, приняв в грудь автоматную очередь, дав возможность укрыться, занять позицию, вытащить раненую Машу...

– А сейчас, ребята, – дошел до слуха Андрея голос директора школы математички Анны Ивановны, – я хочу предоставить слово однокласснику Саши Ветрова, его школьному и боевому другу, военному моряку Андрею Истомину. Пожалуйста, Андрей!

Глаза у директрисы были, конечно же, «на мокром месте». Да и многие хлюпали носами. И училки, и девчонки-старшеклассницы, и родители тоже. Андрей не подумав согласился, что скажет несколько слов. Теперь же он понял, как это будет трудно сделать. Пафосных фраз он не хотел, а что иного он мог сказать? Правду – нельзя, врать – тоже нельзя!

Он вышел к микрофону и посмотрел на ряды школьников, на учителей, которые, как теперь он заметил, постарели за эти годы. И строгая ворчунья директриса, которая, как они узнали уже после окончания школы, билась за каждого хулигана в милиции, в комиссии по делам несовершеннолетних, отстаивала перед родителями их детей, родителей перед их детьми.

Вон «англичанка» Вероника Андреевна. Все такая же красивая, только уже с несколько поблекшей внешностью. А как в нее во времена Андрея были влюблены все старшеклассники. И как морду били тем, кто додумывался говорить о ней пошлости. А вот Ольга Сергеевна из начальной школы. По молодости и глупости пацаны смеялись и исподтишка показывали на нее пальцем. Невысокая, страшенькая, она была замужем, когда пришла к ним в школу, у нее было двое детей и прекрасная во всех отношениях семья. А потом девчонки, строго хмурия брови, рассказывали недоумкам-мальчишкам, какой Ольга Сергеевна чудесный человек, как за ней хвостом ходят малыши, чуть ли не за подол держатся.

Что им сказать? Спасибо за то, что вырастили нас такими, дали путевку в жизнь? Глупо все это и даже пошло. Дело-то совсем в другом. Андрей снял фуражку, провел несколько раз по коротко стриженным волосам и заговорил с высоты своего гренадерского роста суровым баском воина:

– Ребята, я долго думал, что и как вам сказать сегодня. Я и сейчас не очень знаю, что именно, какие слова. Сашка был моим закадычным, как это принято говорить, другом, нас много что связывало. Вы окончили школу, у вас скоро выпускные экзамены, но самый главный экзамен у вас впереди. И не только у тех, кто наденет военную форму. Да, у военных есть такой долг, даже не долг, а просто работа. Эта работа заключается в том, чтобы всегда быть готовым умереть. И это нужно понимать и осознавать. А когда придет эта минута, когда родине потребуется твоя жизнь, ты должен сражаться до конца, чтобы боевая задача была выполнена, чтобы остались живы твои товарищи. Не хвататься за голову и со стенаниями восклицать: «А как же так, я не хочу умирать, я еще так молод». Нет, ты просто знаешь, что такое может быть, потому что это твоя профессия. Вот в чем суть армии и военного человека.

В толпе родителей зашмыгали носами и в ход пошли платочки и салфетки. Андрей нахмурился, поняв, что его понесло совсем не туда. Не оратор он!

– Мне хочется добавить, – продолжил он, – внутренняя готовность отдать себя всего для родины должна быть у каждого и на каждой работе. Хоть у водителя, хоть у строителя, хоть у учителя. Понимаете, все мы граждане своей страны и огромного мира, который нас окружает. Мы все в ответе за него, за то, каким он останется после нас. Если каждый спрячется в кусты, отвернется от зла, от чужой беды, то этот прекрасный мир рухнет. Мы сами его делаем, каждый день, каждым своим поступком. Помните это, когда начнете жить самостоятельно.

Он первым положил цветы к подножию памятника и первым ушел со школьного двора. Андрею было неприятно, как его хвалили за то, что нашел правильные слова, как его хотели оставить в каком-то там совете по каким-то делам, заставить принимать участие в работе какой-то общественной комиссии или общественного совета. Ушел потому, что чувствовал, глаза его увлажняются, когда он смотрит на этих постаревших учительниц, которые, судя по их взглядам, жалеют его.

Он понял, почему жалеют. Потом понял. Потому что он выбрал военную карьеру, потому что они учили его любить прекрасное, учили человеколюбию. А он выбрал профессию убивать себе подобных. Уметь убивать они его не учили, уметь не переживать, убив, тоже. Учили они его обратному. Правда, там были слова о любви к родине, о самопожертвовании, патриотизме. Но это были, как теперь казалось Андрею, слова и понятия, лишённые смысла, абстрактные. Смысл всего этого он понял только теперь: «похоронив» во второй раз друга и посмотрев в глаза своим учителям.

– Не пойду я туда больше, – тихо сказал Андрей, когда они шли с отцом по улице.

Отец промолчал, как будто все понял.

Глава 3

Северное побережье полуострова Сомали. Провинция Санааг. В 120 км западнее мыса Сагалла

Очнулась Луиза от холода. Ее не просто знобило, а колотило, как при лихорадке. И тошнило. Как только она подумала о тошноте, к горлу сразу подкатил ком. Все попытки отвлечься ни к чему не привели. Луизу выворачивало буквально наизнанку, скручивало в судорогах, но пустому желудку нечего было извергнуть из себя, и все позывы проходили впустую.

В полузабытии обессиленная девушка откинулась на какие-то тряпки или мешки, брошенные на грубые доски. В голове все плыло. Она слышала, как кто-то вошел, потому что звук прибоя стал слышнее. Потом ее укрыли чем-то вонючим, и тошнота снова подошла к горлу. Луиза стала думать о приятном, о том, как они плыли на яхте, какой веселой была Глория, как деликатен и воспитан Джон. Затем вспомнила, что Карсонов нет в живых. А после она согрелась и уснула.

Проснувшись Луиза от голода и от того, что рука у нее болела. Она откинула старые драные одеяла и посмотрела на плечо. Там виднелись следы укусов. Понятно, почему она чувствует себя немного лучше. Осмотревшись по сторонам, девушка поняла, что находится в какой-то большой хижине, построенной из жердей, обтянутых шкурами. Мысли сразу вернулись к тому, о чем она думала до того, как впала в беспамятство. Вчера? Или прошло больше времени? Она снова взглянула на плечо и увидела четыре следа от укусов.

Значит, она на сомалийском берегу. Значит, ее почему-то не убили, а взяли в плен. Зачем? Точнее, почему это сомалийцы так жестоко обошлись с людьми на яхте? Не типично для них, потому что они жадные, но отнюдь не кровожадные. А она ведь в нескольких попала из пистолета, могла кого-то и убить. Может, хотят пытать, мстить? Бр-р! Луиза передернула плечами и попыталась встать. Ее пошатывало, в животе урчало и подсасывало.

За стенами послышался разговор, а потом шкура, заменявшая дверь, откинулась, в глаза ударил яркий свет. В шатер вошел мужчина в сандалиях на грязных ногах и набедренной повязке, и полог, пропустив в хижину еще и женщину, снова упал. Из-за темного цвета кожи Луиза не смогла определить возраст сомалийца. А вот вошедшая следом женщина была старухой. Из-под куска ткани, которым было окутано ее тело вокруг бедер и торса, выглядывали сморщенные старческие руки. Луиза хорошо их видела в пробивающихся сквозь щели лучиках света.

На край лежанки старуха поставила огромное старое обшарпанное деревянное блюдо. Там стояла миска с кислым молоком, кажется верблюжьим, козий или овечий мягкий сыр и деревянная же тарелка с рисовой кашей-размазней. Тут же валялось несколько лепешек. Обильная еда по меркам простых скотоводов. Значит, ее велели хорошо кормить.

Луиза знала о населении Сомали то, что жили здесь в основном за счет скотоводства. Большинство сомалийцев категорически не употребляли в пищу рыбу, птицу и яйца. Они считали их «нечистыми». Рыбаки рыбу в основном продавали. И главным богатством кочевника тут всегда был верблюд. И свои «акалы» – вот такие же вот юрты – они покрывали верблюжьими шкурами, и молоко пили верблюжье, и ездили они на верблюдах. Правда, еще имелись овцы и козы, но только не черные. Это у здешнего населения запрещено.

Луиза вздохнула и показала на свой рот, изображая, что подносит к губам чашку, и стала на нескольких языках называть чай. Старуха и мужчина смотрели на нее с недоумением и часто переглядывались. Наконец старуха закивала и начала твердить, шамкая беззубым ртом:

«Халяль, халяль»{ *Халяль* (халал) – (*араб.* al-halal) разрешенное. В повседневной жизни синоним того, что можно есть мусульманину, разрешено использовать в пищу.}. При каждом слове она тыкала пальцами в сыр, в кашу. Луиза брезгливо сморщилась и замолчала. Ей это теперь есть придется. Не умирать же от голода.

К вечеру за стенами послышались громкие возбужденные голоса. Затопали ноги в сандалиях, кто-то громко прикрикнул на женщин, и те с возмущенным гомоном куда-то ушли. К вечеру ее самочувствие еще немного улучшилось, и она намерена была начать изучать свою «тюрьму», а заодно и селение.

Ее мысли давно уже вернулись к погибшим супругам Карсон. Выводы, которые сделала девушка, поразмыслив на досуге о произошедшем нападении, были не очень утешительными. Не убили только ее одну потому, что именно из-за нее это нападение и было устроено. Логично, только Джона и Глорию жалко. И моряков, которых перебили на яхте. А может, не всех жалеть? Что там с двигателем случилось, когда налетели пиратские катера? Глохнуть начал? Похоже.

И напали на яхту потому, что за Луизой тянулся длинный хвост, и нападение удалось, потому что на борту находился подкупленный предатель. А как преследователи узнали о том, что Луиза на борту «Венеры»? Наверное, в последний момент кто-то сообщил. И кто-то подкупил кого-то из экипажа яхты и дал ему средство связи, например спутниковый телефон. И в назначенное время тот, возможно, испортил топливопровод. И он теперь...

А вот это вряд ли! Луиза стиснула руками свои плечи и стала быстро ходить по хижине. Не нужны им свидетели, плевали они на европейцев, чтобы их жалеть. Не должны они оставить в живых предателя. Смысла нет. И что же тогда?

Шкура откинулась, пустив внутрь запах моря и свет звезд. Человек в дверном проеме стоял молча, как будто рассматривая пленницу. И только пару минут спустя Луиза поняла, что он просто ждал, когда принесут электрический светильник и табурет. Вошли двое вооруженных автоматами чернокожих парней, один установил посреди хижины тяжелый деревянный табурет, второй поставил у стены большой светильник, и оба замерли у входа, блестя глазами. Луиза смотрела на их старенький камуфляж, на обшарпанные приклады АК-74. Пираты, точно пираты.

Человек, усевшийся на табурет, был сомалийцем, причем с лицом, которое в любой точке планеты всегда выдавало негодяя, независимо от цвета кожи. И дело даже не в шраме, который пересекал его правую бровь, а в самом выражении лица. Самодовольное, наглое в своей животной кровожадной властности. Лицо человека, для которого существуют только его желания, только его потребности. Ну, может, еще потребности того, кто стоит над ним в этой округе. А может, и нет такого человека. А еще это был тот самый главарь банды пиратов, который на глазах Луизы убил несчастную Глорию. Вот сейчас все и разъяснится.

– Где контейнер? – спросил сомалиец на плохом английском. Причем он с трудом выговаривал это слово «container». – Такая пластиковая коробка. Черная.

– Какая коробка? – сделала Луиза вид, что вообще не понимает, о чем идет речь. – Я что-то взяла у вас?

– Ты дура, – заключил сомалиец, – ты не поняла, что произошло.

– Почему? Поняла! – уверенно заявила Луиза. – Ты со своими людьми напал на судно, убил нескольких человек, держишь меня здесь на берегу в неволе. Это побережье Сомали?

– Сомалиленд!{ Республика *Сомалиленд* (северо-западные провинции Сомали). Самопровозглашенная республика с 18 мая 1991 года. Официально не признана ни одним государством мира, хотя имеет неформальные политические связи с рядом стран. Имеет территориальный конфликт с соседними Пунтлендом и Хатумо.} – с нажимом ответил главарь.

– О-очень большая разница, – проворчала Луиза, хотя в душе расстроилась.

Эта первая же новость уменьшила ее шансы на побег или иную возможность спастись. Лучше бы ей было оказаться в Пунтленде. Это тоже было самопровозглашенное и никем осо-

бенно не признанное государство. Его называли и Автономный район Пунтленд, и Сомалийское Государство Пунтленд в соответствии с конституцией 2001 года. Но Пунтленд в настоящее время поддерживал Переходное Федеральное Правительство и видел себя автономной частью будущего единого федеративного Сомали. По сути, на современном этапе именно он стал ядром для сплочения разрозненной страны. Тут можно было надеяться на защиту властей, если бы удалось до этих властей добраться. Но Луиза знала и то, что в центральной части Сомали продолжали до сих действовать небольшие враждующие вооруженные группировки, стремящиеся к самостоятельности по отношению к федеральным властям. Включая кланы сомалийских пиратов! А еще где-то там находился Исламский Эмират Сомали («Джамаат Аш-Шабаб», или «Аш-Шабаб») – крайне радикальное исламистское движение, имеющее связи, это Луиза знала точно, с «Аль-Каидой» и тесно сотрудничающее с радикальными исламистами соседнего Йемена. И в это месиво она попала в качестве пленницы.

– Если хочешь жить, то ты должна отдать контейнер, – снова повторил человек со шрамом. – Ты не выйдешь отсюда и не умрешь, пока не будет контейнера.

– Ничего не знаю, – отвернулась Луиза. – Хотя есть шанс жить вечно.

– Ты будешь долго умирать, – пообещал сомалиец.

Он поднялся и вышел из хижины. Его подручные вышли следом, забрав только светильник. Два голоса обменялись несколькими фразами у входа. И Луиза поняла, что у входа находится охранник. Она подошла к шкуре, закрывающей вход, и попыталась посмотреть в щель. Ничего, кроме темной фигуры, не увидела. Человек слонялся возле хижины, то и дело поправляя на плече оружие. Наверное, все тот же АК-74.

Новороссийск. Штаб 184-й бригады охраны водного района Новороссийской базы Черноморского флота РФ

Когда Андрей увидел капитана первого ранга Ломашевского, то испытал некоторое облегчение. Если работать придется под командованием этого офицера, то беспокоиться особенно не о чем. Все будет предусмотрено, взвешено и продумано до мельчайших деталей. И тут же Андрей с неудовольствием поймал себя на том, что мыслит, как иждивенец. Вот вроде и новое звание получил, в командиры группы выбился, а все готов переложить ответственность на чужие плечи.

– Истомин! – громко обратился к Андрею Ломашевский, остановившись посреди плаца и заложив руки за спину.

– Здравия желаю, – попытался Андрей скрыть улыбку, вскинув руку к козырьку фуражки. Ломашевский протянул руку и очень крепко пожал руку Истомина.

– В прошлый раз попрощаться возможности у меня не было, – снова заговорил Ломашевский, осматривая Андрея с ног до головы с видом оценщика. – Вы были немного без сознания.

Это следовало воспринимать как шутку, хотя выглядело непривычно. За время прошлой операции Андрей шуточек от этого человека что-то не слышал.

– Местами, – ответил Андрей.

– Узнаю, – кивнул Ломашевский, – все тот же Истомин. Пойдемте в штаб, мне нужно с вами поговорить.

На втором этаже, куда Андрей молча последовал за Ломашевским, они вошли в отдельный кабинет, как Андрей понял, специально выделенный под канцелярию группы. Здесь стоял огромный старинный сейф, четыре стола и дюжина стульев самого разного вида. Кажется, их собирали со всех соседних кабинетов. А еще половина стены занимала зеленая тяжелая занавеска. Под такими обычно раньше прятали обзорные карты. Неужели и в наше время они сохранились?

– Садись, – приказал Ломашевский, снимая фуражку и бросая ее на свободный стул. – Прежде чем огласить приказ командования, я хотел спросить тебя лично. Пойдешь снова под мое начало на время очередной операции?

Андрей, намеревавшийся сесть, замер. Он удивленно посмотрел на офицера и очень медленно опустился на стул.

– О как! Это что-то новое в моей флотской жизни. У меня интересуются моим желанием? Если это тенденция, то она мне нравится.

– Это не тенденция.

– Тогда, – Андрей стал серьезным, – предстоит очень сложная операция. Так, Денис Васильевич?

– Задача с очень большим количеством неизвестных, – согласился Ломашевский. – И множеством переменных величин. Если уж говорить откровенно, то ты мне нужен по следующим причинам: я видел тебя в работе, я знаю, как ты себя ведешь в критических ситуациях, мне известно, что ты выполнишь приказ до конца, чего бы это тебе ни стоило. Плюс хорошая специальная подготовка.

– Я сейчас покраснею, – хмыкнул Истомин. – Лучше уж отдайте приказ, и все. А то эти игры в пожелания с реверансами мне не очень нравятся. Я все-таки в спецназе воспитывался.

– Тогда слушай приказ. Соберешь группу из трех человек под себя. Ты командир группы, я ответственный за операцию. Задача: найти в Аденском заливе судно, провести осмотр и найти предмет, с внешним видом и характеристиками которого группу познакомят. Судно повреждено, и задача номер два – определить характер и причины повреждений, судьбу эки-

пажа и пассажиров. Все возможные вводные по ходу операции будут подаваться в зависимости от ситуации. Например, судно может быть затоплено.

– Боестолкновения с пиратами, представителями силовых структур прибрежных государств и международных сил?

– В случае крайней необходимости.

– Пока вопросов нет.

– А сложившееся мнение?

– Видите ли, Денис Васильевич, все это очень похоже на стандартные условия стандартных учений. Тут все понятно. Непонятно, как и где мы будем искать судно, которое к тому же может оказаться и на дне морском.

– Это мы обсудим потом. Теперь порядок проведения. Я вылетаю на место предполагаемых действий сегодня вечером. Ты сформируешь группу, подготовишь снаряжение для подводного поиска и возможного боя в двух средах. Снаряжение и оружие упакуют в разведотделе флота. Груз и группу, одетую в штатское, под видом туристов-дайверов отправят charterным рейсом завтра вечером. Представитель разведки флота, организующий обеспечение, познакомит тебя с особыми условиями ввода группы в операцию. Сформировать группу необходимо через три часа и немедленно в полном составе направить ко мне на инструктаж.

...Андрей остановился посреди плаца и посмотрел на часы. А что, собственно, искать, когда время обеда и офицеры спецназа сейчас в столовой. Он решительно свернул в сторону двухэтажного здания, к которому уже, печатая шаг, двигалась рота морских пехотинцев. Вбежав по ступеням в столовую, Истомин свернул к офицерскому залу и осмотрелся. Боевые пловцы были на месте. Крутые плечи и мощные затылки склонились над столами, чинные официантки в накрахмаленных передничках плавно двигались с подносами и степенно улыбались офицерам. Ложки дружно стучали по тарелкам. Командир, капитан второго ранга Серов, сидел у окна и что-то энергично втолковывал местному тыловику.

– Командир! – от низкого голоса старшего лейтенанта Маштакова засвербило в среднем ухе, как в преддверии шторма в море. – Иди к нам.

Маштаков и Рыськин сидели у стены, вытирая губы салфетками. Вид у обоих был блаженный. Двое очень разных, они дружили и взаимодополняли друг друга не только в боевой обстановке, но и в повседневной жизни. Старший лейтенант Миша Маштаков – детина ростом выше метра девяноста и весом больше ста килограммов. Будучи самым сильным в подразделении, он был еще и самым уравновешенным. О его невозмутимости и флегматичности ходили анекдоты. Капитан-лейтенант Коля Рыськин был на голову ниже и вдвое уже в плечах. Но он оправдывал свою фамилию ловкостью, гибкостью и буквально дьявольской хитростью. Неутомимый специалист по розыгрышам в быту и непревзойденный автор боевых хитростей во время участия в операциях, что учебных, что боевых. Очень умело маскировался под деревенского увальня, и под матерого уголовника, и под безобидного рыбака с побережья. И, самое главное, оба в прошлом году были с Андреем в Парагвае, а два года назад в походе в Аденском заливе.

– Кушать будете? – спросила тут же возникшая рядом с Андреем официантка офицерской столовой белокурая Светочка.

– Будет, будет, – ответил за Андрея Маштаков. – Давай по полной программе.

– Чего вызывали? – прищурился Рыськин, гоняя в зубах зубочистку.

– Работа есть, – ответил Андрей, покачав головой. Вот что значит талант разведчика: уже узнали и сделали выводы. – Идем малым составом, вчетвером. Вы оба и Орел.

Орел – позывной капитан-лейтенанта Володи Орлова. Серьезный парень, на которого в любой ситуации можно положиться. Сильный тактик, непревзойденный снайпер, выдержка, как у скалы. Этого человека можно смело оставлять за себя в любой ситуации. Единственный недостаток – отсутствие амбиций и лидерских качеств. Целиком вытянуть командование всей

операцией он бы не смог, а вот на отдельных этапах своей скрупулезностью и исполнительностью он мог заменить командира на сто процентов.

Дождавшись, когда ему принесут обед, Андрей с жадностью здорового человека накинулся на еду. Он вкратце пересказал суть предстоящей операции и о сроках проведения.

– Лом мужик жесткий, – соглашаясь, кивнул Рыськин, откинулся на спинку стула и стал наблюдать, как Андрей работает ложкой. – В прошлом году он нас всех вытянул. По сравнению с ним мы так, шутеры из дешевой компьютерной стрелялки. Покрошим любого, а вот кто скажет, кого нам крошить. С Ломом сходить можно.

– За Ломом Генштаб, – напомнил Маштаков и с многозначительным видом показал свой огромный кулак. – Там обеспечение операции будет по первому разряду. Помните, в прошлом году что нам подбросили...

– Особого обеспечения не будет, – возразил Андрей. – Идем со своим стандартным, что есть на базе. И по минимуму. В этот раз нам на прикрытие своих судов рассчитывать не придется, нынче мы сами с усами.

– «Нелегалка»? – хищно улыбнулся Рыськин. – Клево! А отход?

– Через... – Андрей посмотрел на часы, – два с половиной часа на инструктаже все узнаем. А сейчас делимся. Рысь, ты дуй на базу, составляй список снаряжения. Ты, Мышь, найди и приведи Орла. Я пока к Серову да в разведотдел, уточню по объему груза и к вам. Вперед!

Когда Андрей через час вернулся на базу боевых пловцов, то застал довольно жизнерадостную картину. Трое его бойцов проверяли акваланги, оружие и ржали во весь голос. Заводилой опять был Коля Рыськин. Командир боевых пловцов капитан второго ранга Серов стоял, прислонившись плечом к решетке оружейной комнаты, и смотрел, как дежурный выносит ящики с патронами.

– Ну, ты тут давай, – кивнул Серов на спецназовцев, – рули, а я пошел в штаб. Ломашевский сказал, что выход у вас завтра в ночь. Ночуете здесь. Дома проблем не оставили? Ну и хорошо. Утром проверю готовность и... провожу потом.

Андрей давно заметил, что командир очень не любит, когда его подчиненные уходят в море без него. К сожалению, кто-то должен нести службу и здесь и весь отряд забирать нельзя.

– ...А потом я ему говорю, – вздохнул рассказывал Коля Рыськин, – какая она, к лешему, акула-людоед, если три человека живыми из воды выбрались. У двоих рваные раны, которые зашили, третьему стопу ноги ампутировали. Я ему говорю, ты акулу хоть раз близко видел? А он ежится и крестится! Ты, говорю, зубы ее видел, пасть? Если бы она охотилась, она бы не только руки и ноги в два счета пооткусывала, она человека напололам перекусила бы. Не охотилась она, а отгоняла людей от своей территории!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.